

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2008
XVII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
415
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XVII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2008 № 415

СОДЕРЖАНИЕ

- 647-668 Фёдор Дмитриевич Плеске (1858–1932)
и его роль в развитии российской орнитологии
(к 150-летию со дня рождения).
Р. Л. ПОТАПОВ
- 668-670 Сизоворонка *Coracias garrulus* в южной Лит-
ве. А. АЛЕКСОНИС
- 670-671 Распространение и численность серебристой
чайки *Larus argentatus* в Белоруссии.
А. В. НАУМЧИК, В. П. БИРЮКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVII
Express-issue

2008 № 415

CONTENTS

-
- 647-668 F.D.Pleske (1858–1932)
and his contribution to Russian ornithology
(In memory of his 150-th Birthday).
R.L.POTAPOV
- 668-670 The European roller *Coracias garrulus*
in southern Lithuania. A.ALEKSONIS
- 670-671 Number and distribution of the herring gull
Larus argentatus in Byelorussia.
A.V.NAUMCHIK, V.P.BIRYUKOV
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Фёдор Дмитриевич Плеске (1858–1932) и его роль в развитии российской орнитологии (к 150-летию со дня рождения)

Р.Л.Потапов

Зоологический институт Российской Академии наук,
Университетская набережная, д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 24 июня 2008

23 июля 2008 года исполняется 150 лет со дня рождения Фёдора Дмитриевича Плеске (1858–1932). Это имя заслуженно стоит в одном ряду с именами С.И.Алфераки, В.Л.Бианки, Е.А.Бихнера, М.Н.Богданова, Н.А.Северцова. Все эти исследователи на рубеже XIX и XX веков поставили на ноги отечественную орнитологию, но оказались незаслуженно обойдёнными вниманием биографов. Нам мало что известно и о становлении Ф.Д.Плеске как учёного, и о последнем периоде его жизни. И это тем более странно, поскольку занимал Ф.Д.Плеске весьма видный пост, возглавляя некоторое время (1893-1896) Зоологический музей Императорской Академии наук. Но если о личной жизни Фёдора Дмитриевича нам по сие время почти ничего не известно, то уж об активности его как орнитолога мы можем составить полное представление, исходя из его опубликованных работ, а также из коллекционных сборов, хранящихся в Зоологическом институте РАН. И если сами публикации всегда служат для биографов благодатным материалом, то такой источник, как этикетки на коллекционных экземплярах, добытых тем или иным исследователем, до сих пор для этих целей не использовался. Однако в отношении лиц, биография которых должным образом не описана и остаётся малоизвестной, этот источник подчас оказывается весьма информативным.

В данном сообщении используется всё, что удалось извлечь автору из самых разных источников, включая устные рассказы и воспоминания о рассказах других лиц о деятельности Ф.Д.Плеске как орнитолога. Прошедшее время было вполне достаточным, чтобы в полной мере оценить вклад этого учёного в российскую орнитологию. Но если в конце XIX и в начале XX веков он был известен не только как автор ряда научных публикаций, но и как директор знаменитого Зоологического музея, то позднее, особенно в настоящее время, его имя чаще всего ассоциируется с научными именами ряда видовых и подвидовых таксонов, названных в его честь. Последнее в значительной мере объясняется тем, что до сих пор не написано сколько-нибудь полной био-

графии этого знаменитого исследователя, публиковавшего свои работы со времён Александра Третьего вплоть до сталинской эпохи. О многогранности его научных интересов говорит список публикаций, из которых только около половины посвящено птицам, а остальное – двукрылым насекомым *Diptera*. Заметим, кстати, что не он один в те времена исследовал с одинаковым успехом и птиц, и насекомых. В таком же плане работали и некоторые другие крупные зоологи тех времён – и В.Л.Бианки, и даже П.П.Сушкин. Вдобавок к этому, внесла свой ценный вклад и деятельность Ф.Д.Плеске в третьей его ипостаси – как директора Зоологического музея Российской Академии наук. Он был третьим директором в истории Музея, причём ему пришлось возглавлять его хоть и недолго, но в очень ответственное время. Именно на Плеске легли все тяготы по началу длительного переезда Музея в новое просторное здание, в котором он (ныне Зоологический институт РАН) находится и в настоящее время. Однако же главная цель данной работы – описать и оценить деятельность Ф.Д.Плеске как учёного-орнитолога.

Ф.Д.Плеске родился 11 июля 1858 в Петергофе в дворянской семье немецкого происхождения. Учился сначала во Второй классической гимназии, а затем в весьма необычном учебном заведении. Некоторые биографы упоминают, что он получал образование в известном Петропавловском училище (1873-1878), где преподавались, в основном немецкими учителями, латынь, математика и основы физических и естественных наук. Это не совсем так. Все указанные годы Плеске учился в знаменитой петербургской «*Petrischule*». Это старейшая школа города, основанная в 1709 году адмиралом Крюйсом для обучения детей иностранцев, приглашённых в Россию Петром Первым. В дальнейшем круг учеников расширился, и там обучалось много русских школьников (Lewitskaja 1992). Эту школу окончили такие известные люди, как композитор Модест Мусоргский (1849-1852), Пётр Лесгафт (1848-1852) и многие другие. В настоящее время – это средняя школа № 222 с углублённым изучением немецкого языка. В 1951 году её закончил и автор данного сообщения.

В 1878-1882 годах Ф.Д.Плеске – студент Императорского Санкт-Петербургского университета. О его активной деятельности в студенческие годы можно судить хотя бы по тому, что университет он закончил со степенью кандидата естественных наук, а уже студентом второго курса стал Учёным секретарём Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Будучи студентом, он принимает самое активное участие в работе экспедиции, организованной этим обществом для изучения природы Кольского полуострова, о чём будет сказано далее.

Весьма скудные биографические сведения ничего не говорят нам о становлении Плеске как биолога вообще и орнитолога в частности.

Наиболее достоверным источником информации в этом плане являются этикетки на коллекционных экземплярах птиц, добытых самим Ф.Д.Плеске в разные времена и в разных местах и хранящиеся в орнитологической коллекции ЗИН РАН. В частности, на этикетке на одной из тушек взрослого глухаря значится, что этот экземпляр добыт им в окрестностях Санкт-Петербурга весной 1872 г. (коллекционный № 6542), т.е. когда ему не исполнилось ещё и 14 лет. Неизвестно, на какие данные опирался первый биограф Плеске А.П.Богданов, когда сообщает, что Плеске проводил сбор орнитологических коллекций в 1869, 1870, 1872 и 1873 годах в Оренбурге, в 1871 – в Эстляндской губернии, в 1874-1876 – в Петергофском уезде, в 1877 – в Бирском уезде Уфимской губернии, в 1878 – в Вышнем Волочке Тверской губернии и в 1879 – в Слонимском уезде Гродненской губернии (Богданов 1889). Если всё это соответствует истине, то получается, что Ф.Д.Плеске с 11-летнего возраста каждое лето в течение 11 лет, с 1869 по 1879 г., во время обучения в гимназии и в «Петришуле» посвящал орнитологическим сборам в указанных местах, куда вряд ли ездил один. Мне не удалось найти в орнитологической коллекции ЗИН РАН, где хранятся все сборы Плеске, ни одной тушки, выполненной им ранее 1872 года, а все экземпляры, добытые им на южном Урале, датируются не ранее чем 1877 годом. Кстати, и в своей первой научной статье он указывает, что она написана по результатам его сборов в Оренбургской губернии (территория современной Башкирии) летом 1877 года. По этой причине данные А.П.Богданова нуждаются в серьёзном подтверждении, фактических оснований для которого пока нет.

Но вот в окрестностях Санкт-Петербурга и вообще в пределах этой губернии он действительно вёл сборы по крайней мере с 14-летнего возраста, что дало ему возможность ещё в студенческие годы, а именно в 1881 году, преподнести в дар своему любимому Зоологическому музею коллекцию из 133 чучел и 350 тушек птиц (Штраух 1889). Здесь хотелось бы подчеркнуть, что изготовление чучела птицы на порядок труднее, чем так называемой «тушки», предназначенной только для научного использования специалистами. Чучела же, изготовленные Ф.Д.Плеске, с точки зрения таксидермического мастерства были безукоризненны. Одно из них и сейчас демонстрируется в музейной экспозиции птиц – это чучело домового воробья, добытого в окрестностях Петергофа 18 января 1876. Есть любопытное свидетельство А.М.Никольского, который, вспоминая свои студенческие годы в Петербургском университете, пишет, что препаровке птиц он учился у юного Плеске, бывшего на курс младше, но славившегося большим искусством препаровки животных (Мазурмович 1983).

Общее научное наследство Ф.Д.Плеске в области орнитологии – статьи и монографические сводки – сравнительно небольшое, всего 27

работ, однако среди них есть 6 монографий, каждая из которых стоит не менее сотни мелких статей. Иными словами, Ф.Д.Плеске работал очень целенаправленно. Основные его работы связаны с фаунистикой и таксономией. Здесь необходимо иметь в виду, что в те времена (вторая половина XIX века), времена бурного развития зоологической науки, талантливому исследователю просто невозможно было сосредотачиваться на какой-либо узкой теме. И в публикациях Ф.Д.Плеске мы видим и работы о межвидовых гибридах, и о миграциях, и о скелетах вымерших видов, и о поведении птиц и о таксономических аспектах тех или иных видовых и подвидовых таксонов, представленных в коллекционных сборах, поступавших в Музей, и, конечно же, о фауне птиц различных областей.

Эта последняя тематика особенно привлекала Ф.Д.Плеске с самого начала его научной деятельности. Не следует упускать из вида, что в тот начальный этап деятельности Музея его главной задачей был сбор максимально большого объёма коллекций по всем группам животного мира. И в первом Положении о Зоологическом музее Императорской Академии наук, утверждённом самим императором 13 марта 1895, одной из главнейших задач ставилось именно изучение фауны как САмой России, так и прилежащих к ней стран. Ф.Д.Плеске в своей работе неукоснительно следовал её выполнению. Именно поэтому фаунистические работы всегда стояли для Ф.Д.Плеске на первом месте и первой его публикацией была именно фаунистическая работа, изданная на немецком языке в 1878 г, когда он только поступил в университет (Pleske 1878). Она была посвящена птицам восточных областей Европейской России – бассейну верховий рек Белой и Камы. В этой статье, явившейся результатом экспедиционной поездки летом 1877 года (напоминаю, что Ф.Д.Плеске в то время было всего 18 лет), как и в последующих его работах, изложение самого авифаунистического материала предваряется физико-географической характеристикой изучаемой области. В ней, помимо климата и рельефа местности, особое внимание уделено растительности, которую он уже тогда рассматривал с точки зрения закономерностей её зональности в пределах Палеарктики. Сам фаунистический материал в этой статье небольшой – краткие очерки по 25 видам. Это либо те виды, по которым он собрал достаточно большой материал, либо же виды, биология и распространение которых были в то время мало или вообще не изучены (например, *Ciconia nigra*, *Hydrochelidon leucoptera*, *Locustella fluviatilis* и др.). В основной коллекции птиц ЗИН РАН есть экземпляры и других видов, собранных тогда в этом районе Ф.Д.Плеске, но не приведённых им в основном списке, например, перепела *Coturnix coturnix*. Выбор автором упомянутых им видов явно отражает его стремление дополнить те сведения по птицам Южного Урала, которые были опубли-

ликованы к тому времени П.Палласом и Э.А.Эверсманном. Оценку этой работе впоследствии дал П.П.Сушкин в своей работе «Птицы Уфимской губернии». В предисловии к ней он, между прочим, пишет: «Что касается литературных источников, то наибольшее количество данных относительно распространения птиц в Уфимской губернии почерпнуто мною из работ Эверсманна и Плеске» (Сушкин 1897).

Следующая работа Ф.Д.Плеске посвящена птицам Санкт-Петербургской губернии и написана в соавторстве с Е.А.Бихнером. Опубликованная тоже на немецком языке (Buchner, Pleske 1881), она обобщала материалы, собранные ими совместно в гимнастические годы, до поступления обоих в Санкт-Петербургский университет. Это единственная работа Ф.Д.Плеске, написанная в соавторстве (одна, а не три, как ошибочно указывается в некоторых источниках – Слепкова 2007). Нередко юные зоологи коллектировали вместе, например, в Псковской губернии, в имении А.Бихнера (отца Е.А.Бихнера) под названием «Харламова Гора». Это название часто встречается на этикетках птиц, хранящихся в орнитологических коллекциях ЗИН РАН, собранных различными натуралистами. В то время это место было хорошо известно, особенно тем, кто увлекался охотой по боровой дичи. К сожалению, к настоящему времени оно оказалось полностью забытым не только ленинградскими (петербургскими), но и псковскими орнитологами. Потребовались специальные усилия Е.Р.Потапова для выяснения его местонахождения, о результатах которых он мне любезно сообщил. Это действительно очень живописное место с лесами различного типа, где когда-то располагалась деревня того же названия с несколькими дворянскими усадьбами поблизости, и от которых сейчас не осталось и следа. Оно находится недалеко от посёлка Ляды Псковской области (58°42'46'' с.ш., 28°42'46'' в.д.). Между обоими соавторами существовало своеобразное разделение труда: помимо общих экскурсий, Е.А.Бихнер коллектировал в основном в Псковской губернии, а Ф.Д.Плеске – в окрестностях Петергофа и в Лужском уезде. О том, какую большую коллекцию птиц, собранных в основных в названных местах Ф.Д.Плеске передал в Зоологический музей в том же году, когда вышла данная работа, уже упоминалось выше. В дальнейшем же Ф.Д.Плеске полностью переключился на подготовку работы по млекопитающим и птицам Кольского полуострова, а дальнейшим изучением фауны птиц Санкт-Петербургской губернии занимался один Е.А. Бихнер. В 1884 году им была опубликована капитальная фаунистическая сводка по птицам этой губернии, отмеченная престижной премией Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

Но вернёмся к Ф.Д.Плеске. Будучи студентом второго курса, он становится секретарём упомянутого общества и принимает активное участие в организации и проведении комплексной экспедиции по изу-

чению природы Кольского полуострова. Он проработал там летний сезон 1880 года и собрал солидный фактический материал по фауне птиц и млекопитающих этой области. По возвращении же из экспедиции он задался целью обобщить весь материал о данных группах животных не только по Кольскому полуострову, именовавшемуся также Русской Лапландией, но и по всему северу Скандинавии, всей Лапландии в целом, включая её финские, шведские и норвежские части. Для этого он использовал весь материал, который уже был накоплен как в коллекциях Музея, так и в литературе. Он списался также с зоологами скандинавских стран, в частности, с финскими зоологами — профессорами Э.Пальменом, И.Мела и Р.Энвальдом и использовал много данных, предоставленных ему специально для этой цели и ещё не опубликованных. Во всех этих случаях и авторство приводимых сведений, и то, что присланы ему они были специально для публикации в данной работе, пунктуально оговаривалось. В настоящее время эта элементарная этическая норма выполняется далеко не всегда. В этой своей первой капитальной сводке, над которой Ф.Д.Плеске трудился более 6 лет, он выработал методический подход, применявшийся им и далее, при котором фаунистическая сводка превращается в настоящее энциклопедическое произведение, содержащее все доступные сведения о фауне птиц данного региона на данный момент. Любопытно, что в числе прочих Ф.Д.Плеске приводит сведения Э.Пальмена о том, что на Кольском полуострове водятся какие-то мелкие глухари. Сам Плеске проверить это не смог, он работал в основном в северных прибрежных районах. Но значительно позднее, по экземплярам, полученным за это время с Кольского полуострова, С.И.Снигиревский описал новый подвид глухаря, отличающийся прежде всего именно небольшими размерами (Snigirevsky, in Johansen 1957). Сам Снигиревский явно пропустил эти сведения Плеске, иначе название данного подвида (*Tetrao urogallus lönnbergi* Snigirewski, 1957) могло бы быть другим.

В своём обзоре Ф.Д.Плеске приводит сведения о 235 видах птиц, из которых на территории самого полуострова было отмечено только 180 видов. Ещё 25 видов были известны только из пределов Финской и Норвежской Лапландии, к тому времени более хорошо изученных. Тридцать видов в тексте не имеют порядковых номеров, поскольку автор не был уверен в правильности их определения. Следует заметить, что к настоящему времени большинство из этих «сомнительных» видов и тех, что были известны из западных соседних районов, сейчас найдены и на Кольском полуострове (Бианки 1982). Эта работа заняла у Ф.Д.Плеске не менее 5 лет и была опубликована сначала на немецком (Pleske 1886), а потом и на русском языке (Плеске 1887). Русское издание не было копией немецкого, а представляло собой заново прорабо-

танный вариант, о чём автор пишет в предисловии. Эта монография сразу же привлекла внимание международного сообщества орнитологов. В главном орнитологическом журнале США «Auk» была опубликована, в частности, хвалебная и весьма обстоятельная рецензия на эту работу (L.S. 1877). Там отмечались и широкий географический подход к району исследования, игнорировавший государственные границы, делящие север Скандинавии (Лапландию) на норвежскую, шведскую, финскую и русскую части, и исключительно полное изучение литературных источников, и обширный коллекционный материал, собранный не только им, но и предшественниками. Был также высоко оценён и всесторонний анализ природных условий Лапландии с оценкой роли Гольфстрима и рядом соображений о предыстории природных ландшафтов этих мест с конца ледниковой эпохи.

За эти шесть лет интенсивного труда над данной темой из-под пера Ф.Д.Плеске не выходит ни одной другой работы! Но сразу же после него он публикует небольшую, но очень любопытную статью о фауне птиц острова Тернате (Pleske 1888). Тернате – это маленький островок в группе Молуккских островов, где коллектировал птиц в 1881-1882 годах офицер-медик высшего класса А.Фишер и посылал свои сборы в Зоологический музей Российской Академии наук. Его собрание состояло из 85 видов, каждый из которых был представлен несколькими экземплярами и сопровождался заметками об окраске глаз, клюва и лап, о местах обитания и численности. Ф.Д.Плеске перечисляет все присланные экземпляры с указанием пола, даты, коллекционного номера, цитирует все сделанные автором заметки по каждому виду (если они имелись) и в большинстве случаев добавляет свои собственные комментарии. Последние приводились им в соответствие со сведениями, опубликованными орнитологом Сальватори о птицах Папуа и Молуккских островов и которые не были известны д-ру Фишеру. Эта небольшая работа хорошо показывает, как квалифицированно разбирался Ф.Д.Плеске в фауне птиц тропиков – из 85 рассмотренных видов только 4 принадлежали палеарктической фауне.

В 1886 году Ф.Д.Плеске был принят в штат Зоологического музея Императорской Академии наук на должность учёного хранителя коллекций по орнитологии после кончины М.Н.Богданова. По тем временам, чтобы занять такой пост в 28 лет, нужно было иметь за плечами и коллекционные сборы, и научные труды, и кипучую исследовательскую активность. Всё это было у Плеске. Более того, он уже с 1883 года постоянно и безвозмездно работал в Зоологическом музее. Естественно, что А.А.Штраух, руководивший тогда Музеем и буквально задыхавшийся от нехватки квалифицированного персонала и штатных возможностей, чтобы справляться с лавиной поступающего коллекционного материала, не мог не обратить на него особого внимания.

Для Ф.Д.Плеске начинается исключительно продуктивный период научной орнитологической деятельности. Он разбирает и приводит в порядок различные коллекционные сборы, совершает полевые выезды, обрабатывает коллекционные материалы по интересующим его группам птиц и т.д. Но самое главное, он приступает к созданию капитальной сводки по фауне птиц России «Ornithographia Rossica» (Орнитологическая фауна Российской империи), по аналогии со знаменитой «Zoogeographia Rossica» Палласа. Начал он с группы, особенно его интересовавшей и являющейся одной из наиболее трудных в таксономическом плане – с подсемейства славков, и в течение трёх лет, с 1889 по 1891 г., издаёт 5 выпусков общим объёмом в 665 страниц. Конечно, работа готовилась несколько стихийно, без чёткого начального плана и начиналась со второго тома (первый должен был появиться позже). В этих работах Плеске выступает прежде всего как прекрасный таксономист, большое внимание уделяющий таксонам подвидового уровня, многие из которых здесь впервые описаны. Не все они впоследствии были приняты – поступления нового материала постоянно заставляли пересматривать реальность их существования. Но на примере этих работ была показана вся важность их обнаружения, выделения и диагностики. Именно с этих работ Плеске подвидовая таксономия получила дальнейший импульс своего развития, блестяще реализуясь в дальнейших работах таких знаменитых орнитологов, как В.Л.Бианки, П.П.Сушкин, Н.А.Зарудный, Б.К.Штегман, Л.А.Портенко и многих других. В том же ключе Плеске подготовил и отдельную работу, посвящённую таксономии рода корольков *Regulus* (Pleske 1894).

Следует сказать, что как орнитолог Ф.Д.Плеске был прекрасным фаунистом и таксономистом, но собственно систематиком он не был. У него нет ни одной работы по систематике птиц, что отличает его Деятельность от его современника В.Л.Бианки, не говоря уже о дальнейших блестящих систематиках – П.П.Сушкине и орнитологах его школы Б.К.Штегмана и Е.В.Козловой. Ф.Д.Плеске был в первую очередь фаунистом, а именно фаунистика прежде всего требует от исследователя коллекционных сборов. И Ф.Д.Плеске был фанатично предан коллекционному делу: от собирания самого коллекционного материала до его обработки и хранения. В этом плане он был достойным продолжателем интенсивной работы по умножению коллекционного фонда Музея, последовательно проводившейся первыми его директорами Брандтом и Штраухом. Следует заметить, что при описании новых форм явно подвидового ранга Ф.Д.Плеске придавал им статус самостоятельных видов. Это была дань времени, когда господствовала концепция типологического монотипичного вида.

Первые выпуски «Ornithographia Rossica» показали острую необходимость создания капитальной сводки по птицам огромной Российской

империи. Именно эти выпуски подстегнули М.А.Мензбира (помогавшего, кстати, Ф.Д.Плеске в их подготовке) к написанию и изданию в 1893-1895 годах его знаменитого двухтомника «Птицы России», а также вдохновила В.Л.Бианки, тоже активно помогавшему Плеске, в организации (совместно с Л.С.Бергом и А.К.Линко) первых выпусков серии «Фауна России и сопредельных стран» – серии, снискавшей широкую международную известность, издавать которую Зоологический институт РАН продолжает до сих пор.

Примерно в это же время Плеске начинает большую работу и по изучению птиц Центральной Азии – по новым коллекционным сборам Н.М.Пржевальского, В.Ф.Руссова, братьев Г.Е. и М.Е.Грум-Гржимайло. Здесь решающую роль сыграли два обстоятельства. Прежде всего, внезапная гибель консерватора Музея В.Руссова, скончавшегося при возвращении из своей экспедиции в Среднюю Азию от неизлечимой тогда болезни (так называемой «чёрной оспы») осенью 1879 года. Именно Плеске тогда взял на себя тяжелейшую работу по редактированию и завершению незаконченной рукописи Руссова по фауне птиц Прибалтики, которая и была издана благодаря его усилиям в 1884 году. При этом он и не помышлял о том, чтобы вставить себя в соавторы, хотя, с точки зрения современной этики и юриспруденции, он имел на это полное право. Тем более, он не мог оставить без внимания богатые коллекции В.Руссова, собранные в Средней Азии и стоившие этому исследователю жизни. В работе по обработке сборов Руссова приведены материалы по 419 видам (Pleske 1888). Замечу ещё раз, что многим подвидовым формам он придавал видовой статус.

Второе обстоятельство – это знакомство с Н.М.Пржевальским и помощь ему в обработке собранных им коллекций и в описании новых форм, открытых во время центрально-азиатских путешествий. Сам Н.М.Пржевальский, будучи только орнитологом-любителем и решивший сам обрабатывать собранных им птиц, при работе со своими коллекциями в Зоологическом музее с 1875 года пользовался помощью практически всех специалистов (Дубровин 1890). В своём предисловии ко второму тому «Монголии и страны тангутов» Н.М.Пржевальский выносит самую тёплую благодарность за помощь в работе В.Ф.Руссову, Н.А.Северцову и Л.Тачановскому. В дальнейшем, при описании им птиц, добытых во время экспедиции 1881-1883 годов в Тибете и на истоках Хуанхе (Жёлтой реки) осенью 1883 года, рядом с ним уже находился Ф.Д.Плеске. Фёдор Дмитриевич просто не мог не заинтересоваться богатейшими сборами Н.М.Пржевальского, которые к этому времени уже были подарены им (вместе с остальными зоологическими коллекциями) Зоологическому музею. Хорошо известно, что сам Пржевальский не слишком был склонен к кропотливой обработке коллекционных материалов, и главной своей целью ставил по возможности

полное описание своих экспедиций, что требовало огромных затрат сил и времени. Именно настойчивость Плеске подвигла Пржевальского на публикацию статьи, где описывались новые виды птиц Центральной Азии. Об этом кратко и выразительно сказано в предисловии автора к данной работе: «Считаю долгом выразить искреннюю признательность учёному консерватору Зоологического музея ... Ф.Д.Плеске за его обязательное содействие при настоящей моей работе» (Пржевальский 1887). О том, насколько успешным было сотрудничество Плеске и Пржевальского, есть весьма красноречивые свидетельства очевидцев, присутствовавших при отъезде Н.М.Пржевальского в его последнее, так и не состоявшееся путешествие в Центральную Азию. Цитирую: «Но вот сели в вагоны, раздалось последнее “прощайте” и поезд тронулся. Николай Михайлович высунулся из окна вагона и обращаясь к Ф.Д.Плеске крикнул ему: “Если меня не станет, то обработку птиц поручаю вам”» (Дубровин 1890, с. 453). Так и произошло. По получению скорбного известия Плеске немедленно взялся за обработку сборов Пржевальского, дав подробные описания (параллельно на русском и немецком языках) видов и подвидов, многие из которых были снабжены отличными цветными изображениями. Ему удалось опубликовать три выпуска и только последний, четвёртый выпуск, вышедший в 1905 году (т.е. после более чем 10-летнего перерыва) был сделан В.Л. Бианки, уже после того, как из-за болезни и отставки Плеске не мог продолжать эту работу. Последней в центрально-азиатской серии Работ Ф.Д.Плеске была статья, содержащая результаты обработки коллекции птиц, собранных братьями Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло в 1889-1890 годах. В совокупности все эти работы представили собой солидный вклад в изучение фауны птиц Центральной Азии.

Приходится только поражаться огромной работоспособности Ф.Д. Плеске, сочетавшего в своей работе изучение фауны птиц России и Центральной Азии. Достаточно взглянуть на годы публикаций его работ по этим капитальным темам (названия даются на русском).

1888. Ревизия туркестанских птиц. По экземплярам, собранным покойным консерватором В. Руссовым. 58 с.

1889-1891. Орнитогеография Россия: 5 выпусков, общим объемом в 725 стр.

1889-1894. Научные результаты путешествий Н.М.Пржевальского. Птицы. Вып.1-3, общим объемом 190 стр.

1894. Орнитологические результаты экспедиции братьев Грум-Гржимайло в Центральную Азию (1889-1890 гг.), 28 стр.

Но даже в этом кратком списке, характеризующем эффективность работы Плеске, виден очевидный спад её продуктивности к концу этого периода. И здесь есть вполне извиняющие его обстоятельства. Они становятся полностью понятными после прочтения первых строк труда В.Л.Бианки, который после ухода Ф.Д.Плеске в отставку продолжил

обработку птиц, собранных Пржевальским и подготовил 4-й (и последний) выпуск в этой серии. В предисловии к нему он пишет (это спустя то целых семь лет!), что «...реорганизация Зоологического музея надолго затормозила появление дальнейших выпусков этого труда и я мог приступить к работе лишь после открытия Музея...» (Бианки 1905). А Зоологический музей, как хорошо известно, был открыт в новом помещении только в феврале 1901 года.

В данном сообщении автор не ставил своей задачей выяснение причин, которые резко изменили и образ жизни, и научную работу Ф.Д.Плеске, прежде всего как орнитолога. Здесь остаётся много неясного. Но несомненно одно. С 1895 года, когда Зоологическому музею было выделено новое, огромное по масштабам того времени помещение в здании бывшего таможенного пакгауза, в работе музея начался новый, очень трудный период, связанный с полной реорганизацией его структуры и массой новых задач, вставших перед его немногочисленным персоналом. Для меня совершенно очевидно, что Ф.Д.Плеске совершенно не был приспособлен к такого рода деятельности. Будучи уже давно слаб здоровьем, он пытался добросовестно выполнять неожиданно свалившиеся на него самые разнообразные обязанности (ведь с 1893 года он являлся директором Зоологического музея), но состояние здоровья не позволило ему долго выносить эти новые нагрузки. Особенно после того, как начались дискуссии между сторонниками разных концепций относительно облика будущего музея. Здесь считаю необходимым подчеркнуть исключительно мягкий и отзывчивый характер Ф.Д.Плеске, что оставалось до сих пор без должного внимания. Это видно из таких фактов, как и быстрое его сближение с очень требовательным к людям Н.М.Пржевальским, и из одного из последних писем П.П.Сушкина Е.В.Козловой («наш милейший...»), и из устных рассказов тех, кому выпала удача быть его современником (Б.К.Штегман, А.И.Иванов, Л.А.Портенко, in litt.).

Вообще, во всей истории отставки Ф.Д.Плеске много неясного. То, что он в 1892 году был в заграничной командировке по изучению музейного дела в Западной Европе, он сам нигде не упоминает. Во всяком случае, эта поездка не была связана непосредственно с чем-либо конкретным, ведь новое здание (таможенный пакгауз) было намечено для передачи под Зоологический музей только 3 года спустя – в 1895 году! Одиочные конфликты с некоторыми сотрудниками (Слепкова 2007) слишком уж мелки для причины столь масштабной отставки, а вот разногласия по новым планам устройства Музея и прежде всего главной его части – витрин – это дело действительно серьёзное (Потопов 2004). В конце 1896 года Ф.Д.Плеске подаёт в отставку (в возрасте 38 лет) и вообще выходит из штата Музея, продолжая затем свою трудовую деятельность не по специальности в одной из фирм.

К описанию того, что было сделано Ф.Д.Плеске до его отставки, необходимо добавить следующее. Плеске постоянно вёл исключительно трудоёмкую работу по редактированию и подготовке к печати по крайней мере трёх рукописей известнейших наших орнитологов, преждевременно ушедших из жизни. Не будь Ф.Д.Плеске, они вообще вряд ли появились бы на свет. Это опять же рукопись В.Ф.Руссова о птицах Эстонии, Ливонии и Курляндии, упоминавшаяся выше, где Плеске пришлось даже дописывать неоконченные главы, о чём он указал в предисловии, но он не делал и намёка на участие его в этом издании как соавтора (Russov 1884). Не меньший объём работ ему пришлось выполнить и при подготовке к печати рукописи Н.А.Зарудного «Орнитологическая фауна Оренбургского края», где он просмотрел весь материал, собранный этим исследователем и переданный в своё время в Зоологический музей, внёс некоторые исправления и устранил ряд мелких недочётов. В итоге, в предисловии к этому изданию Ф.Д.Плеске, отнюдь не новичок в изучении фауны птиц Южного Урала, высоко оценил научное значение этой работы (Зарудный 1888). Столь же большое участие (наряду с М.А.Мензбиром) он принял в издании рукописи Л.Тачановского о птицах Восточной Сибири. Работа Плеске с упомянутыми рукописями, особенно с двумя первыми, была столь значительной, что некоторые биографы посчитали его даже соавтором названных работ. Кроме этого, им были опубликованы и некролог на кончину М.Н. Богданова, и несколько заметок о статусе вновь описанной формы *Cyanistes pleskei* Cabanis, о гибриде между синицами – пухляком и хохлатой, о новом подвиде пустынного воробья, рецензия на известную работу Т.Лоренца о тетеревиных птицах России и, наконец, о скелетных остатках вымершего баклана *Phalacrocorax perspicillatus*. Иными словами, мы видим здесь проявление самых разносторонних интересов Ф.Д.Плеске.

Дальше наступает полный пробел в публикациях Ф.Д.Плеске по орнитологии и в период с 1896 по 1911 год он не публикует ни одной работы. Где он в это время работает и работает ли вообще, точно неизвестно. Но зато хорошо известно, что он постоянно появлялся в Зоологическом музее, не прекращая с ним связи. Более того, именно в это время он начал работать над своей самой большой фаунистической работой «Птицы тундр Евразии».

Взяться за неё Ф.Д.Плеске побудил целый ряд неординарных событий, до сих пор не получивших должного освещения в литературе. История этой работы целиком связана с научными результатами работы русской полярной экспедиции под началом барона Де-Толля на баркентине «Заря» (1900-1903 гг.). Официальной целью этой экспедиции было исследование северных окраин России и морей, их омывающих. Негласной же задачей, поставленной Толлем, были поиски ле-

гендарной «Земли Санникова», в существование которой он свято верил. За все три года работы (с двумя очень тяжёлыми зимовками) экспедиция прошла от Мурманска к востоку до бухты Тикси и прекратила свою деятельность только в связи с трагической гибелью самого барона Толля и трёх его спутников. Эта экспедиция, её работа и судьбы отважных её участников долгое время находились в центре внимания российской печати и хорошо описаны в большом количестве публикаций. Нашей же задачей являются только орнитологические результаты её работы, которые и подвигли Ф.Д.Плеске на создание выдающейся монографии о фауне птиц тундры Евразии.

Изучение птиц северных окраин России и омывающих её морей было только одной из многих задач этой комплексной экспедиции. Изучались и география ледяного покрова, и морские течения, и геология береговой линии и островов, и климат, и растительность, и конечно же, животный мир — как морской, так и наземный. Коллектирование птиц выполнялось поначалу медиком экспедиции Н.Вальтером, помощь в котором ему постоянно оказывал единственный профессиональный зоолог экспедиции А.А.Бялыницкий-Бируля, будущий директор Зоологического музея. После кончины Вальтера (тяжёлая болезнь во время второй зимовки) сборы птиц и наблюдения за ними вели как Бялыницкий-Бируля, так и новый медик, прибывший в экспедиционный отряд из Якутска, ссыльный В.Н.Катин-Ярцев. Кроме названных лиц, наблюдения за птицами вели и другие участники экспедиции, и их данные Бируля также аккуратно включал в свои дневники. Все наблюдения за птицами А.А.Бируля опубликовал сам в весьма содержательной статье (Бируля 1907), но обработку всех сборов попросил сделать Ф.Д.Плеске, не взирая даже на то, что он тогда уже не работал в Музее. К этой просьбе энергично присоединился и В.Л. Бианки, заведовавший тогда отделением орнитологии. К Плеске они обращались как к лучшему в то время специалисту по Крайнему Северу, уже получившему широкую известность после выхода его монографии по млекопитающим и птицам Кольского полуострова. Фёдор Дмитриевич безоговорочно принял это предложение, однако когда это произошло, установить не удалось, но, судя по результатам, Плеске подошел к этой работе как к самому главному труду своей жизни. Большую часть этой работы он выполнял, ещё даже не будучи в штате Зоологического музея, куда он вернулся в только в 1918 году. Дело в том, что после того, как в 1918 году масса старых учреждений и фирм прекратила своё существование, Ф.Д.Плеске вынужден был как-то устраиваться на работу. Он был зачислен в Музей штатным сотрудником, но на этот раз в отделение двукрылых насекомых. И всё же ему опять пришлось на некоторое время возглавить отделение орнитологии после кончины В.Л.Бианки в 1920 году, на что он согласился толь-

ко временно. И действительно, он официально вернулся обратно в отделение двукрылых насекомых сразу же после появления в Музее академика П.П.Сушкина, принявшего бразды правления музейной орнитологией. Но по-прежнему, в нарушение врачебных рекомендаций, он много времени проводил среди своих любимых коллекций птиц. В связи с этим интересно привести свидетельство А.И.Иванова о последних годах этого периода жизни Ф.Д.Плеске (Иванов 1970).

«После того, как в 1920 г. скончался В.Л.Бианки [от голода и холода – *Р.П.*] ... отделение некоторое время оставалось без надзора. Формально в это трудное время заведование было возложено на Ф.Д.Плеске, но только формально. Дело в том, что Ф.Д.Плеске обладал повышенной чувствительностью к мышьяку, которым протравливают музейные шкурки птиц, врачи давно запретили ему работу с птицами и он переключился на изучение двукрылых...Посильную помощь в приведении коллекций в порядок (после прихода Сушкина с 1 августа 1921 г.) ... оказывал Ф.Д.Плеске. Это был настоящий хранитель устных преданий Зоологического музея. А каждый, кому приходилось разбирать музейные коллекции, хорошо знает, какие трудности приходится иной раз преодолевать при расшифровке этикеток. В этом отношении помощь Ф.Д.Плеске была неоценимой, так как он хорошо знал почерк отдельных коллекторов, и манеру препаровки, и десятки других мелочей, столь важных в этой кропотливой работе. По инициативе П.П.Сушкина в Орнитологическом отделении было начато составление каталога птиц Центральной Азии.... Впоследствии этот каталог превратился в каталог всех коллекций Отделения. Ф.Д.Плеске был первым, кто начал вести записи в этом каталоге». Сам А.И.Иванов стал появляться в стенах Орнитологического отделения музея с 1922 года и хорошо знал обстановку здесь в тот период, практически начиная с 1921 года. Как видно из его воспоминаний, Ф.Д.Плеске не только посещал отделение орнитологии достаточно постоянно, но и вёл там очень важную работу по приведению коллекций в порядок. Напомню, что выдающийся российский орнитолог Александр Иванович Иванов проработал в стенах орнитологического отделения Зоологического музея (впоследствии Зоологического института АН СССР) до конца своей жизни, возглавляя отделение в 1949-1969 годах. Есть ещё и свидетельство самого П.П.Сушкина, который в письме к Е.В. Козловой от 19 сентября 1924, перед своей длительной командировкой за рубеж, писал: «Меня замещает Серебровский, которого Вы знаете, а дальше остаются Штегман и Плеске...» (Среди людей и птиц 2007). Во-первых, это говорит о том, что Ф.Д.Плеске не очень или вообще не следовал предписаниям врачей и оставаться без своих любимых коллекций птиц просто не мог. И, во-вторых, это свидетельствует о том, что у П.П.Сушкина и Ф.Д.Плеске были вполне нормальные дружеские взаимоотношения

коллег, работающих в одном поле интересов. И уж во всяком случае, П.П.Сушкин, равно как и остальные коллеги, хорошо знал, какое обширное исследование подготовил за истекшее время Ф.Д.Плеске как раз к моменту появления Сушкина в Музее, т.е. к 1921 году. Весьма примечательно, что даже в цитируемой выше очерке, при всём своём глубоким уважения к личности Плеске, Иванов ни словом не обмолвился о капитальной рукописи Плеске по фауне птиц тундр Палеарктики. О причине такой странности будет сказано далее.

Несмотря на то, что мы не знаем точно, когда Ф.Д.Плеске получил это предложение (скорее всего, между 1905 и 1910 гг.), но приняв его, он начал работать в своем обычном плане. Он изучал, прежде всего, сами коллекции, собранные экспедицией, а заодно и те экземпляры, что уже находились в коллекциях отделения. Одновременно велось изучение рукописных и опубликованных материалов членов экспедиции, а также поиск и привлечение всех литературных источников по данной проблеме. Всю эту работу Ф.Д.Плеске вёл, повторяю, даже не будучи сотрудником музея и, кроме того, очень много времени у него занимала работа с коллекциями двукрылых насекомых, которыми он давно интересовался, был большим знатоком этой группы и подготавливал по фауне двукрылых один выпуск за другим. Неудивительно поэтому, что он закончил свою рукопись о птицах тундр Евразии лишь в апреле 1921 года, о чём сказано в предисловии к этой работе. Там же Плеске пишет, что работа над рукописью была закончена в апреле 1921 г. и перечитана в июле 1926 г., причём, чтобы максимально снизить число возможных огрехов, автор перечитывал свою работу 4 раза. Вся рукопись в её печатном варианте (уже на английском языке) составила 374 страницы большого формата (полный объём всей опубликованной работы составил более 30 печатных листов). О необходимости перевода рукописи на английский язык будет сказано ниже.

Монография «The Birds of the Eurasian Tundra» состоит из 4 частей. Первая часть содержит описание всего того, что сделала экспедиция барона Де-Толля – маршрутов, стоянок, разведывательных поездок и прочих важных событий, с указаниями дат и имён лиц, выполнявших те или иные изыскания, с описанием местностей, где работала экспедиция, а также её трагического финала. Эта экспедиция прекратила свою деятельность только после того, как было выяснено, что Толль и трое сопровождавших его лиц погибли. Именно эта часть, как будет показано далее, и исключила любую возможность публикации данной рукописи в СССР.

Во второй части, «Материал и наблюдения», даётся описание 71 вида и подвида птиц, обитающих в Арктике, и большое число замечаний о видах, появляющихся в её пределах, но здесь не гнездящихся. Для каждого вида даётся синонимика, перечисление экземпляров, а также

яиц, собранных экспедицией, описывается распространение и данные по биологии, если таковые имеются. Здесь же детально приводятся все наблюдения за различными видами птиц, опубликованные до этого А.А.Бирулей (1907), который использовал и наблюдения участников экспедиции – Бруснева, Колчака и многих других. Всё это хорошо показывает, какое большое внимание уделял в своих исследованиях Ф.Д.Плеске образу жизни птиц, прежде всего жизни конкретных видов и популяций. Недаром эта часть привлекает внимание исследователей птиц Севера как первоисточник высокой ценности.

Третья часть работы совершенно нетрадиционна для монографий подобного рода и, на мой взгляд, особенно интересна. Это, своего рода «*ноу хау (know how)*» автора. Прежде чем перейти к теоретическому осмыслению собранного материала в зоогеографическом отношении, Ф.Д.Плеске разбил всю территорию палеарктической тундры на 21 секцию (или участок), отнюдь не придавая им какой-либо зоогеографический статус. Об этом чётко сказано в заголовке данной части – «Литература и списки авифауны различных *искусственных* (курсив мой – Р.П.) секций евразийской тундры» – от Шпицбергена до Чукотки. Забегая несколько вперёд, я должен сказать, что такая методика полностью развязывала руки Ф.Д.Плеске как исследователю, освобождая его от необходимости зоогеографического обоснования выделения таких секций. Он действовал здесь как прагматик, выделяя эти участки на базе их специфичных физико-географических особенностей, характеристика которых тут же и давалась. Особенно важно, что при этом приводится и список птиц, здесь обнаруженных, и полный список литературы, откуда, помимо материалов экспедиции, были взяты данные для этого списка. Эту часть можно охарактеризовать как целую энциклопедию всего, что мы знали о птицах евразийской тундры, причём вплоть до конца 1920-х годов (Ф.Д.Плеске успел вставить в рукопись книги последние, ещё не опубликованные материалы о птицах Новой Земли и острова Колгуев, собранные в 1925-1926 гг. Г.П.Горбуновым и А.С.Толмачёвым и переданные для публикации автору). Эти «искусственные» секции, выделенные Плеске, стали своего рода кирпичиками, из которых он сложил свое видение всей картины авифауны евразийской тундры на общей авифаунистической карте Северного полушария. Прежде всего, он ни в коей мере не разделяет в зоогеографическом плане тундровую авифауну на палеарктическую и неарктическую. Фауна птиц тундры циркумполярно едина и рассматривается, как голарктическая зоогеографическая единица. Однако он при этом рассматривает тундру как часть Арктическо-Альпийской жизненной зоны и не считает необходимым, в отличие от многих зоогеографов, повышать её ранг до самостоятельной зоогеографической зоны. В итоге весь север Палеарктики Ф.Д.Плеске делит на Атланта-

Европейскую (включая восточное побережье Гренландии), Европейско-Сибирскую, Сибирско-Американскую и Северо-Тихоокеанскую (включая запад Аляски) провинции, в каждой из которых представлены альпийская (тундры), кустарниковая (лесотундра) и лесная (таёжная) зоны.

Здесь, наконец, уместно сообщить о причине, которая побудила Ф.Д.Плеске издать свой труд за рубежом и на английском языке. Вся рукопись была переведена на английский язык самим автором. Как большинство окончивших петербургские гимназии, да ещё такие, как «Петришуле», Плеске достаточно свободно владел французским, английским и немецким языками (немецкий язык, учитывая семью, в которой он вырос, был для него даже более родной, чем русский). Но и в данном случае Плеске, вследствие своей щепетильности, не мог не упомянуть о большой помощи в переводе, оказанной ему сотрудником Зоологического музея малакологом В.А.Линдгольмом. Причиной же издания этой монографии за рубежом и на английском языке, о которой в те времена, естественно, никто и не заикался, было имя Александра Васильевича Колчака. Следует напомнить, что в первые годы существования советской власти Колчак рассматривался не иначе, как злейший враг народа, заливший кровью рабочих и крестьян чуть ли не всю Сибирь, адмирал-диктатор, возглавивший белогвардейское движение, целью которого было уничтожение большевизма и реставрация капитализма в России. Любое иное упоминание имени Колчака уже само по себе являлось тяжким преступлением и жестоко каралось. И вот в разгар этой истерии Ф.Д.Плеске, как не от мира сего, в первой же части своей рукописи, посвящённой истории Русской полярной экспедиции Э.В.Толля, описывает геройское поведение Колчака, предпринявшего крайне рискованную, но успешную попытку добраться до острова Беннета, с которого Толль не вернулся. На этом острове 17 августа 1903 Колчак обнаружил место зимовки Толля, его дневниковые записи, образцы пород и последнюю записку, извещавшую, что он со своими спутниками тронулся в обратный путь 8 ноября 1902, т.е. более 10 месяцев назад. Только тогда стало ясно, что барон Де-Толль и его спутники погибли.

Коллеги разъясняли Плеске, чем грозит ему сдача этой рукописи в печать. Естественно, всякое упоминание о Колчаке там было бы вымарано, а самому автору не поздоровилось бы. Достаточно вспомнить о репрессиях, которые обрушились на А.А.Бялыницкого-Бирулю, проработавшего бок о бок с Колчаком в Русской полярной экспедиции целых три года. Ф.Д.Плеске мог бы совершенно спокойно убрать из рукописи любое упоминание о Колчаке, ведь он сам с ним не работал и ничем ему обязан не был. Но Плеске об этом и слышать не хотел и решил не спешить с её публикацией. Как раз в это время в Зоологиче-

ском музее появляется академик Сушкин и принимает из рук Плеске бразды правления музейной орнитологией. Ознакомившись с рукописью и оценив её по достоинству, он, судя по всему, сразу же предлагает Плеске опубликовать её за рубежом. Дальше происходит следующее. П.П.Сушкин, как действительный член Академии наук, получает в 1925 году, после долгих хлопот, заграничную командировку почти на год, из которых 9 месяцев проводит в США, в частности, в Бостоне, в тамошнем Обществе естествоиспытателей. Среди обилия самых разных дел (знакомство с коллекциями в музеях Нью-Йорка, Вашингтона и Филадельфии, налаживание коллекционного обмена и т.д.) он, в частности, договаривается с Бостонским Обществом об издании у них на английском языке не только рукописи своего знаменитого труда о птицах Русского Алтая (о чём он сообщает в одном из писем Е.В.Козловой), но и рукописи Ф.Д.Плеске. Вслед за этим два известных американских орнитолога, О.Бэнгс и Т.Бэрбоу (O.Bangs, T.Barbour) вступают в переписку с Ф.Д.Плеске и договариваются, что автор готовит английский перевод, а Общество берет на себя публикацию рукописи. Сушкин, после возвращения на родину, начинает готовить английский перевод своей книги, а Плеске в рекордно короткие сроки подготавливает перевод своей и пересылает его в Бостон. Мне, правда, не удалось установить, каким образом эта рукопись была туда переправлена, поскольку международная почта с российской стороны работала скверно, и Плеске не мог об этом не знать. Так, в одном из своих писем (от 7 мая 1924) П.П.Сушкин жалуется на то, что он не получил посланной ему в подарок С.Бэкером «Фауны Британской Индии» («пропали в дороге») и посылки с птицами из США (Письма П.П.Сушкина 2007). Видимо, в данном случае была какая-то оказия. Остаётся также непонятным, почему в очень хорошей рецензии на эту книгу, опубликованной в «Auk», сказано, что не следует забывать и серьёзного вклада в её издание Г.М.Аллена, который, при подготовке рукописи к печати, перевёл весь манускрипт с французского на английский. Здесь явно кроется какая-то ошибка, но причина её пока не выяснена. Что же касается монографии П.П.Сушкина о птицах Алтая, то после неожиданной кончины автора в 1928 году её перевод продолжала Е.В.Козлова, но знаменитый кризис 1929-1931 годов в США сделал публикацию её там весьма проблематичной, а окрепшие возможности Академии наук СССР сделали реальным её издание на родине (опубликована Издательством АН СССР в Ленинграде в 1938 году).

Выход в свет монографии Ф.Д.Плеске не прошел не замеченным, прежде всего за рубежом. Ведущие орнитологические журналы мира: «Auk» (1928, vol. 45, p. 388-389), «Alauda» (1929, ser. 1, a. 1, № 2, p. 106-108), «Ibis» (1930, vol. 6, № 2, p. 345), — незамедлительно опубликовали хвалебные рецензии. В России же (точнее, в СССР), за исключением

коротенькой рецензии информационного плана в журнале «Охотник» (Бобринский 1929) никакой реакции не последовало. Более того, ещё довольно долго, вплоть до 1970-х годов, эта крупнейшая орнитологическая работа вообще не упоминалась даже в крупных монографиях, посвящённых изучению птиц Севера. Причина была всё та же – вполне обоснованное опасение репрессий за ссылки на книгу, где описано геройское поведение А.В.Колчака в Русской полярной экспедиции. Даже Б.К.Штегман, много помогавший Ф.Д.Плеске при написании этого труда (о чём Плеске специально упоминает в предисловии), в своих знаменитых «Основах орнитогеографического деления Палеарктики», ни словом не упомянул об этой выдающейся работе. То же самое можно сказать и о других известных орнитологах, публиковавших тогда работы по птицам Крайнего Севера. Нормальные ссылки на эту работу Ф.Д.Плеске стали, наконец, появляться в орнитологических работах только с начала 1970-х годов. Что же до упомянутой рецензии Н.А.Бобринского, то он явно не мог в то время ознакомиться с самой работой. Выпуск «Записок Бостонского общества естествоиспытателей», где она была опубликована, попал в СССР значительно позже. В Библиотеку АН СССР он поступил только в 1932 году. Скорее всего, Н.А.Бобринский читал лишь рецензию в «Auk», где упоминаний о А.В.Колчаке, естественно, не было.

Мы не знаем, какова была бы судьба Ф.Д.Плеске, проживи он немного дольше. Но вряд ли бы он пережил то жуткое колесо репрессий, которое обрушилось на жителей Ленинграда в 1934 году после убийства С.М.Кирова. Особенно если учесть ещё одно «чёрное пятно» в его биографии – его старший брат, Л.Д.Плеске, был, хоть и короткое время, министром финансов в царском правительстве Николая Второго.

Таково, вкратце, описание деятельности Ф.Д.Плеске как орнитолога. Это был истинный подвижник, отдавший зоологическим исследованиям все свои силы и принявший самое активное участие в создании того фундамента, на базе которого к середине XX века эффективно развилась отечественная орнитология. Его исследования вошли в золотой фонд, созданный пионерами зоологической науки в России. Результаты его работ будут всегда востребованы исследователями животного мира нашей планеты. Сам Фёдор Дмитриевич, по сути своего характера, несмотря на слабое здоровье, был очень доброжелательным человеком, но становился непримиримым, когда дело касалось всего, что угрожало (или могло угрожать) сборам, хранению и изучению коллекций. Об этом я не раз слышал от своих старших коллег – Б.К.Штегмана, Л.А.Портенко и А.И.Иванова, с которыми мне повезло работать в ЗИНе и которые работали вместе с Ф.Д.Плеске в последнее десятилетие его жизни.

В августе 1932 года Фёдора Дмитриевича не стало. Мы так и не знаем конкретных обстоятельств его кончины, как и того, успел ли он увидеть свою работу опубликованной. Будем надеяться, что успел. Во всяком случае, последней его работой оказалась короткая заметка в журнале «Ibis» об одной ошибке, которую он обнаружил в своем труде. Она заключалась в том, что используя данные С.А.Бутурлина о гнездовании розовой чайки, он посчитал, что даты в них были даны по старому стилю. Но они были даны по новому стилю, а он их ещё раз перевел в новый стиль (Pleske 1932). В этом – весь Ф.Д.Плеске, считавший невозможным не исправить даже такую небольшую ошибку.

Кончина Ф.Д.Плеске прошла незамеченной. Только один из ведущих орнитологов СССР Г.П.Дементьев направил краткий некролог (на французском языке) в орнитологический журнал «Alauda» (1932, № 4, р. 468-469), и со ссылкой на него ещё один некролог был опубликован в 1933 году в журнале «Ibis» (№ 2, р. 358-359).

Литература

- Бианки В.Л. 1905. *Научные результаты путешествий Н.М.Пржевальского по Центральной Азии*. Отд. зоол. Т. 2, птицы. Вып.4: 193-360.
- Бианки В.В. 1982. Кольский полуостров // *Птицы СССР: История изучения. Гагары, Поганки, Трубноносые*. М.: 20-25.
- Бируля А. 1907. Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // *Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд.* 18, 2: I-XXXVI, 1-157.
- Бобринский Н.А. 1929. «Birds of the Eurasian Tundra». Рецензия // *Охотник* 10: с.32.
- Богданов А.П. 1889. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знаний, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850-1888 г.). Т. 2 // *Изв. Общ-ва любителей естествозн., антропол. и этногр* 57: 1-304.
- Дубровин Н.Ф. 1889. *Николай Михайлович Пржевальский*. СПб: 1-602.
- Зарудный Н.А. 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // *Зап. Акад. наук* 57. Прил. № 1: 1-338.
- Иванов А.И. 1970. Памяти Петра Петровича Сушкина // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 47: 5-8.
- Мазурмович Б.Н. 1983. *Александр Михайлович Никольский*. М.: 1-187.
- Письма П.П.Сушкина Е.В.Козловой // А.И.Андреев (ред.) 2007. *Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е.В.Козлова (1892-1975)*. СПб.: 61-78.
- Плеске Ф.Д. 1887. Критический обзор млекопитающих и птиц Кольского полуострова // *Зап. Акад. наук* 56. Прил. № 1: I-XIX, 1-536.
- Потапов Р.Л. 2004. Зоологический музей – Зоологический институт Российской академии наук. 170 лет // *Фундаментальные зоологические исследования. Теория и методы*. М.; СПб: 250-272.
- Пржевальский Н.М. 1887. Новые виды птиц Центральной Азии // *Зап. Акад. наук* 55: 76-95.
- Слепкова Н.В. 2007. Материалы к биографии Ф.Д.Плеске (1858-1932) // *Энто-мол. обозрение* 86, 1: 218-233.

- Сушкин П.П. 1897. Птицы Уфимской губернии // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи*. Отд. зоол. 4: I-XI, 1-331.
- Штраух А.А. 1889. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования // *Зап. Акад. наук* 61. Прил.: 1-372.
- Büchner E., Pleske Th. 1881. Beiträge zur Ornithologie der St.-Petersburger Gouvernements // *Beitr. Kenntn. Russ. Reiches. Folge 2*. 4: 53-178.
- Dementiev G. 1932. Necrologie (Th. Pleske) // *Alauda*. Ser.2, a. 4, № 4: 468-469.
- Levitskaja N.V. 1992. *Petrishule*. СПб.: 1-21.
- L.S. 1887. Pleske on the birds of the Kola Peninsula // *Auk* 1: 61-63.
- Mayaud N. 1929. «The birds of the Eurasian tundra» // *Alauda*, ser. 1, a. 1, № 2: 106-108.
- Pleske Th. 1878. Ornithologische Notizen aus Ost-Russland // *J. Ornithol.* 24: 89-94.
- Pleske Th. 1878-1880. Die Vogel des St.-Petersburgs Vogelmarkets // *Ornithol. Centralblatt*.
- Pleske Th. 1886. Übersicht des Säugethiere und Vogel der Kola-Halbinsel. Teil 2. Fogel und Nachtrage // *Beitr. Kennt. Russ. Reiches. Folge 2*. 9: I-VI, 1-515.
- Pleske Th. 1888. Zur Vogelfauna der Insel Ternate. Nach Sammlungen des Dr. Fischer bearbeitet // *Mél. Biol.* 12: 109-140.
- Pleske Th. 1894. Übersicht der Gattung *Regulus* Cuv. nebst Beschreibung einer neuen Art derselben // *Mél. Biol.* 13: 303-307.
- Pleske Th. 1928. The birds of the Eurasian tundra // *Mem. Boston Soc. Nat. Hist.* 6, 3: 1-485.
- Pleske Th. 1932. An error in «The birds of the Eurasian tundra» // *Ibis* ser. 13. 2, 4: 688-689.
- Russov V. 1884. Die Ornith. Est-, Liv- und Kurlands mit besonderer Berücksichtigung der Zug und Brutverhältnisse // *Arch. Naturk. Liv-, Est- u. Kurlands* 9, 2: 1-214.
- Snigirevsky S., in Johansen H. 1957. Rassen und Populationen des Auerhuhns, *Tetrao urogallus* // *Viltrevy* 1: 233-266.

F. D. Pleske (1858–1932)
and his contribution to Russian ornithology
(In memory of his 150-th Birthday)

R. L. Potapov

July 23, 2008 is the date when 150 anniversary of Feodor D. Pleske will be celebrated. His name is known to every Russian zoologist. His scientific activity comprised ornithology, entomology (dipterology), and museum's sphere in general, but first of all, he was an ornithologist. The main goal of this publication includes describing Pleske's achievements in ornithology.

Pleske was born in Peterhoff in a family of a German nobleman. After a gymnasium (1868-1872), he graduated from the famous "Petrishule", where Latin, mathematics, and basics of philosophy and natural sciences were taught mostly by German tutors (1873-1878), and, later, from St. Petersburg University (1878-1881), as a Ph. D. in Natural Science. He started collecting birds already in 1872, when he was 14 years old. In 1881, he granted a collection of birds (350 scientific skins and 133 stuffed birds) to his beloved Zoological Museum in St. Petersburg. His first scientific publication was dedicated to the avifauna of Orenburg Province (Ost-Russland) and published in 1878.

In 1881, he got an appointment as the scientific secretary of the St. Petersburg Natural Society and actively participated in the expedition of this Society to the Kola Peninsula, where he studied bird and mammal fauna.

F.D.Pleske published a total of 37 scientific works, including 6 monographs. The most voluminous one was “Ornithographia Rossica” (the first attempt to describe the Russian avifauna) that included 5 issues (725 pages in total) dedicated to the subfamily Silviinae). He appointed the title of the extraordinary member of the Russian Imperial Academy of Sciences and headed the Zoological Museum of this Academy in 1893-1896.

His first monograph was published in 1886 in German, and his last one, in 1928 in English. Pleske was forced to edit this last book (“The Birds of Eurasian Tundra”) abroad (in Boston, USA), because he mentioned there the heroic role of A.V.Kolchak in the famous Russian Polar Expedition. The study of the scientific results of this expedition was the main item of this book. Admiral Kolchak, at that time an officer of the Navy, later, in 1918, headed the White Army struggle with the communist regime in Russia. Therefore, in 1920-1930-ies, simple mentioning of his name in positive sense meant arrest, imprisonment, or even death sentence. However, Pleske positively refused to remove the name of Kolchak from his manuscript; therefore, up to the 1970-ies, even mentioning of this brilliant monograph in Russian scientific literature was dangerous to the authors.

F.D.Pleske died in 1932 and was buried in the Lutheran cemetery in St. Petersburg. Details of his death are yet unknown. Only two obituaries were published after his death and both of them in ornithological magazines “Ibis” (Great Britain) and “Alauda” (France). No Soviet edition published any information on the death of this great scientist.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 415: 668-670

Сизоворонка *Coracias garrulus* в южной Литве

А.Алексонис

Второе издание. Первая публикация в 1988*

Численность. Во второй половине XX века численность сизоворонки *Coracias garrulus* в Литве неуклонно снижается. 30-40 лет назад эти птицы встречались не только в борах на песчаных почвах, как в настоящее время, но и в мало лесистой местности. Так, в 1938 году обычным считалось увидеть стайки сизоворонок из 6-8 птиц, сидящих на телеграфных проводах в окрестностях города Мариямполь (ныне Капсукас). Сравнительно недавно исчезли сизоворонки, постоянно наблюдавшиеся вдоль дороги Каунас–Утяна, а также во многих других

* Алексонис А. 1988. Исследования численности и биологии сизоворонки (*Coracias garrulus*) в южной Литве // Тез. докл. 12-й Прибалт. орнитол. конф. Вильнюс: 6-7.

местах Литвы. На месте наших постоянных (с 1961 по 1985 г.) наблюдений – в лесу Рудшилис (около 2000 га) и в соседнем селе Лякечай (Шакаяйский р-н) в 1961-1965 гг. обитало 15 пар сизоворонок, в 1981 г. – 3 пары, в 1985 г. – 1 пара.

Расположение гнёзд. В 1961-1981 гг. под наблюдением находилось 61 гнездовое дупло сизоворонки. 38 дупел было обнаружено в соснах (в т.ч. у 9 сосен были повреждены стволы, 5 были сухими, у одной сохранился лишь сухой ствол); 7 – в чёрных ольхах, 3 – в канадских тополях, 2 – в бальзамических тополях, 2 – в яблонях, 1 – в липе, 7 – в дуплянках (5 дуплянок были вывешены на соснах и 2 на елях). Гнёзда находились как в естественных дуплах лиственных деревьев, так и в дуплах, выдолбленных чёрными дятлами *Dryocopus martius*. Практически все занятые дупла находились на высоте от 6 до 15 м и лишь одно (в яблоне) – на высоте всего 1.2 м.

Прилёт. Средняя дата прилёта сизоворонки в Шакаяйский район приходится на 12 мая. Самые ранние даты прилёта – 25 апреля 1962 и 29 апреля 1966.

Размножение. Вскоре после прилёта у сизоворонок начинаются брачные полёты. При тёплом начале лета откладка яиц начиналась в последней декаде мая, а при запоздалом и дождливом – 10-15 июня. Яйца откладываются прямо на скопившуюся на дне дупла труху. В полной кладке 4-5 яиц. Размеры яиц ($n = 27$), мм: 34.8-36.0×27.0-29.0, в среднем 35.4×28.3. Насиживание начинается с первого яйца и продолжается 18-19 дней. Между птенцами наблюдаются двухсуточные различия в возрасте, и поэтому они покидают дупло не одновременно, каждый в 28-дневном возрасте. Из 35 известных случаев 5 раз птенцы покидали дупло 15-19 июля, 8 раз – 20-24 июля, 8 раз – 25-29 июля, 8 раз – 30 июля – 3 августа, 4 раза – 4-8 августа, 2 раза – 9-14 августа. До вылета доживает 2-4 сизоворонёнка. За кормом для птенцов взрослые птицы летают на расстояние до 3 км от гнезда. Во время гнездования сизоворонки довольно терпимы друг к другу: известны два случая, когда расстояние между соседними гнёздами составляло лишь 118 и 170 м.

Послегнездовой сезон. Покинувшие гнездо слётки ещё несколько дней держатся около него, а потом перемещаются в более открытые места (примыкающие к лесу поля, широкие просеки в борах).

Отлёт. Из Шакаяйского района сизоворонки отлетают в период с 1 по 17 сентября. Известно несколько случаев, когда сизоворонок встречали 21 и 23 сентября.

Причины уменьшения численности. Важной причиной, на наш взгляд, может быть уничтожение дуплистых деревьев в старых усадьбах, в пойменных и полевых рощах, а также на опушках во время мелиоративных и лесозаготовительных работ. Близ деревень пригодные

для гнездования дупла иногда занимают галки *Corvus monedula*. Большую опасность для сизоворонок представляют лесные куницы *Martes martes*, которых в последнее время становится всё больше. Известны случаи отстрела птиц для изготовления чучел.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 415: 670-671

Распространение и численность серебристой чайки *Larus argentatus* в Белоруссии

А.В.Наумчик, В.П.Бирюков

Второе издание. Первая публикация в 1988*

Серебристая чайка *Larus argentatus* s.l. на гнездовье в Белоруссии появилась в начале 1980-х годов. До этого времени её пребывание в регионе ограничивалось периодом сезонных миграций и нерегулярным летованием единичных особей на крупных водоёмах (Федюшин, Долбик 1967). На гнездовье она впервые зарегистрирована в 1982 году в мочажинно-озерковом комплексе верхового болота Ельня (площадь массива 19.6 тыс. га, Миорский р-н). Здесь в смешанной колонии чаек (600-630 пар озёрной *Larus ridibundus* и 18-20 пар сизой *L. canus*) размножалось 11-13 пар серебристой чайки. У последней по состоянию на 5 июня были птенцы в возрасте 6-14 сут (Ивановский, Наумчик 1982).

С 1983 года известны поселения серебристой чайки в Браславском районе, на сообщающихся мезотрофных озёрах Снуды (2200 га) и Струсто (1300 га). В сезон размножения в 1984 и 1985 гг. здесь учтено соответственно 9 и 16 пар, рассредоточено гнездившихся на крупных луговых островах. В 1987 г. только на озере Снуды гнездились 32 пары, т.е. численность птиц в очаге размножения растёт. В 1985 г. первые пары на озере Снуды начали откладку яиц с 27-28 апреля.

В 1987 году впервые наблюдалось размножение одной пары серебристых чаек на озере Освейское (5280 га, Верхнедвинский р-н). Для гнездовья птицы избрали прочный, стабильно локализованный сплавинный островок площадью около 600 м², где в течение ряда предыдущих лет формировались колонии других чайковых (малая *Larus minutus* и озёрная чайки, речная крачка *Sterna hirundo*) и групповые поселения нырковых уток. С появлением *L. argentatus* другие чайко-

* Наумчик А.В., Бирюков В.П. 1988. Распространение и численность серебристой чайки в Белоруссии // Тез. докл. 12-й Прибалт. орнитол. конф. Вильнюс: 151-153.

вые переместились на соседние сплавины, исчез красноголовый нырок *Aythya ferina*, сократилось число гнёзд хохлатой чернети *Aythya fuligula* (3 против 8 в 1986 г.).

Таким образом, исходя из географии находок, современное распространение серебристой чайки на гнездовье в Белоруссии охватывает северо-западную часть Витебской области (Браславский, Верхнедвинский и Миорский районы). В перспективе, учитывая тенденцию расселения на водоёмах бассейна Балтийского моря (Kumari 1978; Виксне 1983; Jusys, Pareigis 1984; Bednorz 1984), следует ожидать дальнейшего проникновения вида в глубь Белоруссии, значительного увеличения численности и мест гнездования. В последнее время в гнездовой период взрослые серебристые чайки регулярно отмечаются на верховом болоте «Осинторф» (Дубровенский р-н) и на Вилейском водохранилище (Минская область).

Специального внимания требует вопрос о подвидовом статусе серебристых чаек, гнездящихся в Белоруссии. Добытые нами на болоте Ельня и озере Снуды 3 птицы имели красное орбитальное кольцо и жёлтые ноги – признаки, характерные для большинства серебристых чаек Восточной Прибалтики. О проникновении в Белоруссию прибалтийских птиц свидетельствует факт добычи 27 июня 1984 самца из гнездовой колонии на озере Снуды, который был окольцован птенцом в Матсалуском заповеднике 18 мая 1975. Однако для окончательного решения вопроса необходимы более детальные и целенаправленные исследования.

